

УДК 81'42
ББК 81.055.1

ЖАНРОВАЯ ПАРАДИГМА ПРОГРАММНОГО ДИСКУРСА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА

Шильникова Ольга Геннадьевна

Доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики
Волгоградского государственного университета
glossa2@rambler.ru, stilvolsu@mail.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен жанровый спектр литературно-критических текстов, формирующих программный дискурс русских журналов 40–70-х гг. XIX века. Описан механизм образования жанровых признаков программных текстов в условиях влияния на них типологических свойств «толстого» журнала. Установлены жанры и жанровые группы публикаций, продуцирующих программный дискурс.

Ключевые слова: аудитория, жанр, программные тексты, журнал, литературная критика, журнальный контекст, функция, программирование, дискурс.

Литературная критика в качестве влиятельного социально-культурного института оформилась в недрах журнальной периодики, в первую очередь «толстого» журнала, на что не раз указывали историки литературы и журналистики – В.Г. Березина, Б.Ф. Егоров, В.Н. Коновалов, Г.Н. Поспелов, В.В. Прозоров, А.И. Станько. Однако исследования жанровых форм критических публикаций, сложившихся именно благодаря журнальному контексту, в современной науке практически не предпринималось. В теоретическом аспекте игнорирование журналистско-публицистической природы критики и условий ее журнального «бытования» приводит к тому, что в жанрологии наблюдается значительное сужение эмпирической базы: далеко не весь корпус текстов привлекается для анализа, полный спектр жанровой палитры критики остается вне исследовательского внимания. Многие жанровые формы в настоящее время даже не идентифицированы, поскольку представлены исключительно (или преимущественно) в СМИ. Все это актуализирует проблему выявления жанровой парадигмы литературной критики с учетом закономерностей ее функционирования в журнале.

Задача настоящей статьи – выявить жанровый диапазон литературно-критических публикаций, формирующих программный дискурс «толстого» журнала, и обусловленность содержательно-конструктивных особенностей жанровых признаков текстов их контекстуальными и аудиторными функциями¹.

Программность литературной критики, то есть способность определять задачи и перспективы литературного развития, М.Г. Зельдович справедливо считает одним из ее существенных атрибутивных свойств (см. об этом: [4, с. 77]). В процессе исторической эволюции в журнальном дискурсе у программных литературно-критических текстов сформировался целый ряд «дополнительных» функций².

Логично предположить, что специфические контекстуальные и аудиторные задачи программных текстов требовали и отвечающего данным функциональным обязанностям жанрового воплощения. Наблюдения показывают, что в «толстых» журналах 1840–1870-х гг. жанровый состав программных публикаций был весьма неоднороден. В связи с этим возникают два вопроса – какими факторами обусловлена эта гетерогенность и каков реальный

спектр программных текстов в изданиях подобного типа.

Методологическим инструментарием, помогающим решить эту исследовательскую коллизию, являются традиционный жанровый анализ, разработанный нами дискурсивный анализ литературно-критических публикаций как текстов СМИ, контекстуальный анализ, предполагающий рассмотрение периодического издания как единого феноменологического пространства, где функционально, содержательно, композиционно значим каждый компонент.

Среди жанров, программирующих литературу, критику и журнальную политику, М.Г. Зельдович называет *литературно-критические* и *эстетические манифесты, декларации, обзоры* ³.

Однако если учитывать закономерности журнального функционирования критики, то данный перечень придется значительно расширить за счет включения в него ряда специфических «журнальных» жанров.

Кроме того, анализ жанрового состава программных публикаций в «толстых» журналах показывает, что при сохранении общих типологических черт (единстве контекстуальных и аудиторных функций, идентичности качественных свойств критического дискурса) тексты дифференцированы по своим структурно-композиционным особенностям, формам выражения программности, доминирующим коммуникативным интенциям. Три последние позиции и являются для нас классификационными критериями для выделения следующих жанровых групп.

1. Информационно-аналитическая группа включает программные *редакционные объявления* о начале или завершении издания, *редакционные заметки* («От редакции» – заметки А.С. Пушкина, связанные с изданием «Современника»), *развернутые объявления о подписке* и иные документы, касающиеся учреждения или продолжения журнала, в которых характеризуется направление будущей литературной политики («Об издании “Московского журнала”» Н.М. Карамзина, *ежегодные объявления* об издании некрасовского «Современника»).

Доминирующая интенция названных жанров как коммуникативного события – референтная. Основной способ текстовой репре-

зентации материала – открытая манифестация или полемически заостренная декларация заранее выработанных и систематизированных программных установок. Эмпирическая база, на основании которой эти установки сложились, не предъясняется. Иначе говоря, в тексте обычно отсутствуют анализ и интерпретация конкретных элементов литературного процесса – художественных произведений, творчества того или иного писателя, подробное описание полемических коллизий. Однако вполне возможен краткий эскиз литературной или социокультурной ситуации в целом и их эксплицитная оценка. В подобных материалах происходит теоретическая генерализация программных ориентаций журнала.

Все уровни литературно-критической рефлексии эксплицированы в тексте. Однако степень их детализации и формы репрезентации во многом зависят от жанра конкретной публикации. Философско-эстетический и оценочно-прагматический дискурсы, как правило, представлены в декларативно-императивной форме. Социально-публицистический дискурс, причем полемического характера, более развернут и аргументирован.

Обратимся к примерам из журнальной практики. Преобразованный Н.А. Некрасовым «Современник» с 1846 по 1866 г. в осенних номерах регулярно публиковал программные объявления об издании журнала на следующий год, что позволяло читателям получить информацию об авторском коллективе и изменениях в его составе, о структуре номеров и технических условиях подписки. Однако функциональное назначение этих публикаций было гораздо шире. В них определялись перспективные цели и задачи журнала на следующий год, давались редакционные оценки художественных и критических текстов, которые предполагалось напечатать. Там же часто приводились сведения о восприятии отдельных журнальных материалов литературными противниками и простыми читателями, намечалась стратегия и тактика журнальной политики в литературно-общественном процессе. Кроме того, руководители и ведущие сотрудники журнала, принимавшие участие в составлении объявлений (Н.А. Некрасов, И.И. Панаев, А.Н. Пыпин, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов), не упускали воз-

возможности обозначить актуальные сферы литературно-журнальной и общественной жизни, высказав по спорным проблемам собственное мнение.

Так, в программном объявлении «Об издании “Современника” в 1855 году» (Современник. 1854. № 11) редакция не просто зафиксировала свои разногласия с другими участниками бурных журнальных дискуссий середины 1850-х гг. (подробно о содержании журнальной полемики в середине XIX в. см.: [3, с. 16–75]). Она представила читателям и своим оппонентам положительную программу развития критики в составе журнала нового типа – «литературного и политического», что придало полемике конструктивный характер. Издатели подчеркнули, что критический отдел «Современника» уже «сделал шаг к улучшению» и впредь постарается избегать недостатков в собственной деятельности. В объявлении был очерчен круг жанров будущих критических публикаций. Это библиографические отчеты о вновь выходящих книгах, «легкие очерки текущей русской журналистики», «обозрения современных русских журналов», критические статьи о крупных явлениях современной литературы, «критические обзоры замечательнейших современных явлений в русской литературе», «исторические исследования о старых русских писателях», «новости по части наук, искусств, литературы и общественной жизни в Европе» [2, с. 31]⁴. Разнообразие планируемой на будущий год жанровой палитры журнала, а также тот факт, что четыре из предполагаемых пяти отделов имели прямое отношение к критике, подкрепляли приверженность издателей новым эстетическим принципам, свидетельствовали о решимости значительно усилить свое влияние на аудиторию и о понимании роли литературно-критических публикаций в этом процессе.

2. **Диалогическую группу** программных жанров составляют *полемические заявления, выступления, открытые редакционные письма*, а также диалогические жанровые формы – *разговор, диалог, литературное письмо, интервью, беседы* с главным редактором, с ведущими критиками и постоянными авторами журнала, предназначенные прежде всего для массовой целевой аудито-

рии. Нередко их адресатами являются также литературные противники, общественность и даже государственные структуры⁵.

Ярко выраженная коммуникативная (рецептивная) установка, заметная как на интенциональном, так и на композиционном, стилистическом и языковом уровнях, – особенность публикаций данной группы. Соответственно, в них широко используются риторические приемы, нацеленные на организацию прямого диалога между журналом и читателями, а также на установление прямых контактов с остальными участниками современного информационно-коммуникативного пространства.

В качестве примеров можно назвать программное «Письмо из уезда к издателю», написанное В.А. Жуковским сразу же после того, как он стал руководителем журнала, с целью обозначить новый поворот литературной политики (Вестник Европы. 1808. № 1); «Письмо издателя к NN» Н.А. Полевого (Московский телеграф. 1825. № 1), где редактор открыто заявил о новаторском содержании журнала и особой роли в нем критики; «Ответ “Москвитянину”» В.Г. Белинского (Современник. 1847. № 11); поскольку полемика между славянофильским и западническим изданиями, по словам самого критика, касалась основных принципов «всей русской литературы настоящего времени» и «перешла в борьбу за идеи», то ему пришлось вновь выступить в защиту материалистической эстетики и натуральной школы, но теперь уже от лица некрасовского журнала. Защита гоголевского направления позиционировалась в качестве главной цели литературной политики «Современника».

В первой половине XIX в. издатель-критик часто скрывался под маской читателя-друга или мнимого оппонента. Так, в первом томе пушкинского «Современника» была напечатана статья Н.В. Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», содержащая резкие характеристики современных журналов и газет – «Московского наблюдателя», «Телескопа», «Сына отечества», «Северной пчелы» и в особенности «Библиотеки для чтения» О.И. Сенковского. Выступление задело многих и вызвало полемику, не желательную для журнала, появление которого было сопряжено для издателя с целым рядом трудностей (об истории возникновения пуш-

кинского «Современника» см.: [1, с. 266–348; 6, с. 5–23]). А.С. Пушкин опасался, что статья может быть расценена как программа его журнала. В то же время он, видимо, не желал абсолютно дистанцироваться от одного из своих перспективных сотрудников и тем более демонстрировать наличие в редакции внутренних разногласий. Поэтому в третьем томе появляется «Письмо к издателю», написанное в форме обращения некоего анонимного читателя из Твери к издателю «Современника», где Пушкин корректирует гоголевские оценки современных изданий, но не отрицает их полностью. «Письмо» снабжено примечанием, демонстрирующим двойственность позиции издателя: «С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б., нахожусь в необходимости дать моим читателям некоторые объяснения. Статья *О движении журнальной литературы* напечатана в моем журнале, но из сего еще не следует, чтобы все мнения, в ней выраженные с такою юношеской живостью и прямодушием, были совершенно сходны с моими собственными. Во всяком случае, она не есть и не могла быть программой “Современника”», – замечает Пушкин, вступая в воображаемый спор с вымышленным читателем [10, с. 329].

Мистификация в подобных случаях никого не вводила в заблуждение. Она воспринималась в качестве приема, позволяющего в легкой непринужденной форме изложить программные установки издания. Литературная маска помогала воссоздать доверительную, почти интимную интонацию. Это было приглашение читателя к диалогу, совместному размышлению, создававшее иллюзию совместного принятия решения, а значит, и одобрения предлагаемой программы.

Однако в ситуации диалога собеседника надо не просто информировать, а убеждать. Поэтому, хотя основной формой представления программных воззрений остается манифестация, одновременно в критических текстах данной группы возникают фрагменты, связанные с анализом литературных фактов, и достаточно развернутые оценки. Появляется доказательная база, позволяющая автору аргументировать свое мнение. Так, в «Письме к издателю», желая смягчить строгие приговоры, вынесенные Гоголем современной

журналистике, Пушкин излагает свои «мысли о должности критика и журналиста» [10, с. 321] – собственную систему представлений о целях, задачах, содержании, тактике информационного поведения литературного журнала и о назначении его критического отдела. В результате конфигурация литературного и журнального поля 1830-х гг. предстает перед читателями в ином свете. В частности, буквально по пунктам разбиваются все гоголевские обвинения против «Библиотеки для чтения» и иронического характера ее критики. Нападения на журнал О.И. Сенковского Пушкин счел не слишком основательными и даже заметил, что «многие из его статей... достойны были занять место в лучших из европейских журналов» [там же, с. 326].

3. **Аналитическая группа** объединяет публикации аналитического плана: *циклы, теоретические статьи-исследования, развернутые манифесты, аналитические обзоры, проблемные, передовые статьи*, где доминирующей была креативная интенция. Н.В. Коновалов справедливо подчеркивал: «В журналистике 19 века проблемные литературно-критические выступления, как правило, определяли “лицо” издания, выполняя роль передовой статьи» [7, с. 123]. Например, для некрасовских «Отечественных записок» такими были статьи М.Е. Салтыкова «Напрасные опасения» (1868. № 10), «Уличная философия» (1869. № 6), «О направлении в литературе» (1869. № 8–10).

Помимо ценностного отбора художественной информации, а часто и параллельно с ним, в аналитических программных жанрах, например в статьях-исследованиях, интенсивно осуществлялся творческий созидательный процесс. В них журнал формулировал и обосновывал свои фундаментальные эстетические идеи, свое видение феномена искусства. Здесь же вырабатывалась нормативная шкала критериев и давались концептуальные оценки наиболее значительных с точки зрения редакции произведений и авторов, расставлялись акценты в спорных коллизиях литературного процесса.

Типологической доминантой этой жанровой группы было смещение внимания автора от художественного текста к актуальным идеологическим и теоретическим проблемам.

Анализ и интерпретация произведений искусства начинали выполнять в тексте критической работы иллюстративную функцию. Художественные принципы, излагаемые в программных публикациях, обычно аргументировались при помощи стратегического обзора современной литературно-общественной ситуации, историко-литературных экскурсов, выборочного разбора и оценки новейших произведений искусства.

Исследователи проблемных журнальных статей, распространенных в критике 70–80-х гг. XIX в., выявили такие типологические признаки этого жанра, как «четкость методологических установок, концептуальность, полемичность, привлечение обширного литературного и социологического материала, логичность и рационалистичность информации» [8, с. 22]. Если спроецировать перечисленные структурные характеристики на аналитические тексты программных публикаций иных жанровых форм, то становится очевидным общность этих признаков для всей группы программной аналитики. В таких публикациях наблюдалось значительное усиление социально-публицистического дискурса, которое происходило за счет включения в текст полемического компонента, чаще всего в эксплицитной форме, а также развертывания автором внеэстетической аргументации своей художественной концепции. Например, в «Уличной философии» М.Е. Салтыков объяснял художественную несостоятельность образа Марка Волохова из гончаровского «Обрыва» тем, что писатель был враждебно настроен по отношению к демократической молодежи. Поэтому и характер героя, по мнению критика, получился почти карикатурным, не соответствующим действительному положению дел и даже просто здравому смыслу. А в «Напрасных опасениях» критик мотивировал закономерность появления того или иного типа литературного героя потребностями общественного развития. Подобный методологический ракурс неизбежно подводил автора статьи к анализу современных идеологических доктрин и актуальных тенденций общественного развития, к обсуждению нравственных норм и особенностей человеческой психологии. Соответственно, анализ и интерпретация произведений хотя и не исчезали совсем, но отодвигались на вто-

рой план, заметно редуцировались, выполняя в тексте критической работы прикладную функцию. Таков был механизм замещения эстетического дискурса на публицистический.

4. **Теоретико-аналитическая группа** отражает структурное своеобразие программных публикаций аналитического плана, в которых главным предметом рассмотрения были не отдельное художественное явление или литературный процесс, а сама критика. В этом случае преобладающей интенцией становится стремление автора к теоретической рефлексии в форме генерализации. Тогда публицистический дискурс не просто расширялся, а становился доминирующим в тексте, что вполне объяснимо с точки зрения двойственной (литературно-эстетической и общественно-идеологической одновременно) природы критической деятельности. Таковы *цикл* В.Г. Белинского «Речь о критике» (Отечественные записки. 1842. № 9–11), *полемическая статья* Н.Г. Чернышевского «Об искренности в критике» (Современник. 1854. № 7), *проблемная статья* П.Н. Ткачева «Принципы и задачи реальной критики» (Дело. 1878. № 8), А.Л. Вольнского «Наука, философия и религия» (Северный вестник. 1893. № 3), *теоретическая статья-исследование* Л. Оболенского «Основные начала художественной и литературной критики» (Свет. 1878. № 11, 12).

Содержание данной группы программных публикаций, как правило, организовано вокруг двух смысловых центров. С одной стороны, автором определяются цели, задачи, методы, принципы аналитического и одновременно эмоционально-чувственного постижения произведений искусства в их образной специфике (то есть выстраивается эстетическая аксиологическая шкала), с другой – формулируются общественные функции критики в качестве социокультурного, «посреднического» института, своеобразного модератора в области художественной коммуникации (то есть формулируется шкала социологическая). Этот последний аспект неизбежно «вводил» автора в сферу общественных идей, заставлял обращаться к социальной аргументации. А если учесть, что концепции художественного творчества и представления о назначении критики в России всегда отличались крайним разнообразием, даже полярностью, то становится понятна и

ожесточенность дискуссий по этому кругу вопросов, и обоснованность вынесения данной проблематики в программные журнальные публикации. По тем же причинам размышления о критике чаще всего облекались в полемические жанровые формы.

Отдельно следует рассмотреть жанр **журнальной программной рецензии**. Рецензия – это жанр, который в зависимости от тематического задания автора и роли в структуре конкретного журнального номера может перерасти либо в монографическую рецензию аналитического (журнального) типа, либо в литературно-критическую статью, либо в рецензию библиографическую. Однако в свете общей литературной стратегии издания даже небольшая по объему и по количеству обсуждаемых теоретических проблем рецензия может позиционироваться редакцией как программная и именно в этом качестве восприниматься аудиторией. Так происходит, если в тексте манифестируются хотя бы несколько подходов или аксиологических принципов, которые впоследствии при рассмотрении и оценке сходных по каким-либо параметрам (тематике, идейной направленности, типу героя и т. п.) художественных явлений, становятся ориентирами для остальных литературных аналитиков данного журнала. Например, для «Отечественных записок» Н.А. Некрасова программными стали появившиеся в первый год издания журнала рецензии М.Е. Салтыкова на повести В.П. Авенариуса (1868. № 4) и романы П.Д. Боборыкина (1868. № 11), а также опубликованная в следующем году рецензия на роман Ф. Решетникова «Где лучше?» (1869. № 4). Две первые – на долгие года предопределили негативные оценки журналом натуралистической прозы и «клубничной литературы» 70-х гг. XIX в., а последняя – протекционистскую политику «Отечественных записок» в отношении «народного» романа и писателей крестьянской тематики.

Специфика программных рецензий в том, что они совмещают в себе структурно-содержательные особенности программной и аксиологической группы журнальных публикаций:

– философско-эстетический дискурс обычно реконструируется по тексту не одной,

а нескольких рецензий, посвященных однотипным литературным явлениям;

– главная задача автора – репрезентация оценочной шкалы, то есть оценочно-прагматического уровня программы журнала;

– в тексте рецензии обычно конкретизируются и развиваются положения аналитических программных работ в проекции на какую-либо конкретную проблему, род, жанр, направление литературного творчества;

– социально-публицистический дискурс представлен в свернутом виде;

– полемика если и включается в текст, то либо в имплицитной форме, либо в виде прозрачных намеков, иронических замечаний, скрытых отсылок к хорошо известным как читателям, так и литературным оппонентам журнала фактам и ситуациям.

В качестве примера программных рецензий можно привести работы М.Е. Салтыкова о современном массовом искусстве, регулярно появлявшиеся на страницах «Отечественных записок» с 1868 по 1871 год.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Программные литературно-критические выступления «толстого» журнала могут облекаться в самые разнообразные жанровые формы – информационно-аналитические, диалогические, аналитические, теоретико-аналитические, рецензионные. Работы, принадлежащие к разным жанровым группам, дифференцированы по своим структурно-композиционным особенностям и формам выражения программности, однако строгого разграничения между ними не наблюдается. Отсюда принадлежность того или иного текста к типу программных литературно-критических публикаций в журнальном контексте конкретного издания определяется в конечном итоге не жанром работы, а ее функцией в журнале, ролью в организации общего журнального дискурса и в реализации литературной политики издания в целом. В то же время очевидно, что потребности журнала как агента актуального литературно-общественного поля стимулировали процессы жанрообразования в недрах самой критики. Это дает основание включить параметр «тип издания» в систему жанроформирующих факторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Контекстуальные функции литературно-критических публикаций определяются тем, на реализацию каких редакционных задач рассчитано то или иное “волевое” решение редколлегии, это те потенциальные возможности трактовки смыслов отдельных публикаций, номера и журнала в целом, которые редакция преднамеренно закладывает в концепцию всего издания и в архитектуру каждого номера, выражая свои журналистские интенции и понимание, то, что редакция намеревается реализовать в дискурсе, то есть это функции обозначения чего-либо, изречения о чем-то и референции. *Аудиторные функции* литературно-критических публикаций – это запланированные аудиторные эффекты, на возникновение которых рассчитывает редакция, вводя в журнальный контекст тот или иной тип (вид, жанр) журнальных текстов. Аудиторные функции предполагают ориентацию на конкретную референтную группу читателей имеют прагматическую цель – повлиять на реципиента в том или ином отношении» [12, с. 86].

² Термин «программные литературно-критические тексты», номинирующий отдельный тип журнальных публикаций, предложен нами в работе: [11, с. 73–78]. Там же дан системный анализ аудиторных и контекстуальных функций журнальных текстов данного типа.

³ Впервые вопрос о программирующем потенциале критических жанров был поставлен М.Г. Зельдовичем в статье [5, с. 88–97].

⁴ Обратим внимание, что «очерки текущей журналистики» и «обозрения современных журналов» также являются для редакции некрасовского «Современника» предметом литературно-критического осмысления. Таким образом, исследование жанров в контексте периодического издания значительно обогащает представление не только о жанровой системе, но и о предметном поле русской критики XIX века.

⁵ Руководители современных «толстых» журналов из этой группы текстов все чаще обращаются к реальным диалогическим жанровым формам – *беседам, интервью, круглым столам*, то есть к собственно журналистским, а не специфическим литературно-критическим жанрам. Так, в связи с празднованием в 2005 г. восьмидесятилетия «Нового мира» главный редактор журнала А. Василевский дал интервью М. Кучерской для «Российской газеты», В. Березину – для «Книжного обозрения», А. Вознесенскому – для «Ex Libris НГ». В юбилейные дни на страницах журнала была опубликована содержательная беседа с Ю. Буртиным, М. Чудаковой, М. Новиковым, где модератором и активным заинтересованным участником выступал уже сам глав-

ный редактор (см.: [9, с. 181–198]). В своих программных выступлениях А. Василевский подвел итоги исторического пути журнала, рассказал о задачах сегодняшнего дня и наметил, запрограммировал, перспективы литературной политики на будущее. В текстах выступлений присутствуют все три дискурса критической рефлексии, представленные в характерных для программных публикаций формах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вацуро, В. Э. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры / В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. – 2-е изд. – М. : Книга, 1986. – 381 с.
2. Горячим словом убежденья. «Современник» Некрасова – Чернышевского: Воспоминания, дневники, объявления журнала, письма. – М. : Современник, 1989. – 543 с.
3. Егоров, Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века / Б. Ф. Егоров. – Л. : Искусство, 1982. – 269 с.
4. Зельдович, М. Г. В поисках закономерностей: О литературной критике и путях ее изучения / М. Г. Зельдович. – Харьков : Изд-во при Харьковском гос. ун-те, 1989. – 160 с.
5. Зельдович, М. Г. Программность критики и критические жанры / М. Г. Зельдович // Русская литературная критика: история и теория: межвуз. научный сборник. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1988. – С. 88–97.
6. Кибальник, С. А. От составителя / С. А. Кибальник // Современник, литературный журнал А. С. Пушкина. 1836–1837: Избранные страницы. – М. : Советская Россия, 1988. – С. 5–23.
7. Коновалов, В. Н. Критика в контексте журнала / Н. В. Коновалов // Русская литературная критика 70–80-х гг. XIX века. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1986. – С. 105–123.
8. Коновалов, В. Н. Социодинамика литературно-критических жанров / Н. В. Коновалов // Жанры русской литературной критики 70–80-х годов XIX века. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1991. – С. 16–26.
9. На пороге новых дней. Главный редактор журнала «Новый мир» Андрей Василевский беседует с Юрием Буртиным, Мариэттой Чудаковой и Михаилом Новиковым // Новый мир. – 2000. – № 1. – С. 181–198.
10. Пушкин, А. С. Письмо к издателю / А. С. Пушкин // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. – 1836. – Т. III. – С. 321–329.
11. Шильникова, О. Г. Журнальные функции программных литературно-критических материа-

лов / О. Г. Шильникова // Журналистика и медиаобразование в XXI веке : сб. науч. трудов Междунар. науч.-практич. конф. – Белгород : Белгородский гос. университет, 2006. – С. 73–78.

12. Шильникова, О. Г. Литературная критика в журнальном контексте рубежа XX – XXI вв. : принципы функционирования и качественного взаимодействия текстов : монография / О. Г. Шильникова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 284 с.

GENRE PARADIGM OF PROGRAM DISCOURSE IN LITERARY JOURNAL

Shilnikova Olga Gennadyevna

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature and Journalism,
Volgograd State University
glossa2@rambler.ru, stilvolstu@mail.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article investigates the genre variety of literary and critical texts forming the program discourse in Russian journals dated to 1840-1870-s of the XIX century. It describes the mechanism of genre features formation in program texts under the influence of typological characteristics of large-volume journal. The article also specifies genres and genre groups of publications, producing program discourse.

Key words: audience, genre, program texts, journal, literary criticism, journal context, function, programming, discourse